

КРУГЛЫЙ СТОЛ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ СТАТЬЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

14 марта в рамках Гуманитарных чтений РГГУ состоялся круглый стол журнала «Высшее образование в России» на тему «Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс». Предварительно к обсуждению предлагался следующий круг вопросов:

- модель современного научного журнала в аспектах: филологическом (академическое письмо, IMRaD и т.п.); философском (критерии научности текста); культурно-историческом («самобытность»); экономическом (коммерция или общественное благо);
- автор, рецензирование (слепое и живое), редактор («в редакции автора», интеллектуальная собственность);
- гносеологическая модель деятельности редактора;
- оценка научной деятельности, научная коммуникация и ее превращенные формы.

В заседании круглого стола приняли участие: *Ивахненко Евгений Николаевич* (д-р филос. наук, ректор РГГУ, член редколлегии), *Тощенко Жан Терентьевич* (чл.-корр. РАН, «Социологические исследования»), *Кузнецова Наталия Ивановна* (д-р филос. наук, РГГУ, член редколлегии), *Сенашенко Василий Савельевич* (д-р физ.-мат. наук, РУДН, член редколлегии), *Короткина Ирина Борисовна* (канд. пед. наук, МВШСЭН, РАНХ и ГС), *Заботкина Вера Ивановна* (д-р филол. наук, РГГУ), *Базанова Елена Михайловна* (канд. пед. наук, МИСиС), *Балацкий Евгений Всеволодович* (д-р экон. наук, Финансовый университет), *Задорожнюк Иван Евдокимович* (д-р филос. наук, НИЯУ МИФИ), *Екимова Наталья Александровна* (канд. экон. наук, Финансовый университет), *Карелин Владислав Михайлович* (канд. филос. наук, РГГУ), *Рыбаков Николай Валерьевич* (ННГУ), *Перлов Аркадий Маркович* (канд. истор. наук, РГГУ), *Панин Олег Анатольевич* (НИЯУ МИФИ), *Шиян Анна Александровна* (РГГУ), *Сапунов Михаил Борисович* («Высшее образование в России»), *Гогоненкова Евгения Аркадьевна* («Высшее образование в России»).

Н.И. Кузнецова: Дорогие коллеги! Попробуюсь представить схематичную картину того, что сейчас происходит с научной периодикой, какие неожиданности для нас, собравшихся – авторов, читателей и издателей периодических изданий, – уже случились, а какие еще подстерегают. То, что без научной периодики невозможно существование научных дисциплин, полноценное развитие передового фронта исследовательской практики, отслеживание трендов этого развития, – доказывать не приходится. Именно в статьях фиксируются «прорывные» находки познания, а монографии вслед за тем собирают, суммируют и аккумулируют полученные на передовой результаты. Это очевидно для всех, кто занимается наукой. Что же такое могло случиться, что стало поводом для нашего собрания – какие тучи вдруг собрались над отечественной научной периодикой? Тематический круг нашего обсуждения (он, предупреждаю, довольно широк) состоит из нескольких пунктов.

Первое: реформы, как всегда у нас, идут сверху и обрушиваются на тех, кто занят текущей работой, как снег на голову. Это привычно. Что происходит в данном конкретном случае? Перед отечественной наукой поставлена актуальнейшая задача – войти (встроиться) в мировую науку! Прекрасно! Отлично! Кто же против?.. Умозаключение

несложное: необходимо, чтобы наши статьи (соответственно, журналы) вошли в международные наукометрические базы данных – Web of Science или Scopus. Но как это сделать наиболее коротким и эффективным путем? Давайте обсудим потрясающее управленческое решение: *путь в мировую науку, говорят нам, лежит через IMRaD!*

Как перевести на русский язык эту причудливую аббревиатуру? Ничего сложного, объясняют наши управленцы рядовым труженикам науки – тем самым людям, которые пока еще, ничего не подозревая, собирают данные, теоретизируют и дискутируют, пишут статьи и подают свои труды в научные периодические издания (в просторечии – научные журналы). Ничего сложного, говорят нам. Ваша статья должна содержать следующие разделы: введение (*Introduction*), изложение методов (*Methods*), результатов (*Results*) и (*and*) обсуждение (*Discussion*).

«И это все? – растерянно, но радостно лепечет один из авторов. – И если я выполняю эти требования, то уже принадлежу мировой науке?..» Но это скромный автор. Другие начали возмущаться: «Зачем докторов и кандидатов наук обучать таким тривиальностям?» Третьи идут дальше: «Какие методы я могу перечислить, если я размышляю о той или иной проблеме?» Эти, конечно, в большинстве своем – гуманитарии, в особенности философы, ибо в их распоряжении нет специализированных методов. Четвертые – совсем непонятливые: «А если цель моей статьи – аналитический обзор? А если я пишу эссе? Разве теперь гуманитарный журнал не будет брать статьи, исполненные в таком жанре?» Пятые гудят: «Если подойти с такими критериями к статьям наших самых авторитетных классиков – С.С. Аверинцева, Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили... – то они вообще

не могли бы печататься в научной периодике? Вероятно, они не являются светилами мировой науки?» Начинается раздор в научном сообществе, а также смущена и подавлена душа опытного (но, как видно, старомодного) редактора и издателя.

Второе. IMRaD, вероятно, – краткая формула для написания статьи естественнаучного профиля. Выглядит здраво, в чем тут подвох? С такими правилами оформления текста знакомят уже студентов, тем более магистрантов и аспирантов. Что тут действительно нового? Почему для ознакомления с простенькими, рутинными требованиями необходимы специальные учебные курсы? С какой целью повсеместно возникают особые центры так называемого академического письма? Нет ли тут скрытых задач и целей, не предъявленных в явном виде научному сообществу? Возникает и такой вопрос: неужели все работы в естествознании следует представлять исключительно в такой жесткой «смирительной рубашке»? Неужели даже там нет других жанров?

Третье. Возникает весьма острая проблема для издателей научной периодики. Михаил Борисович, наверное, расскажет об этом более подробно. Суть в том, что сегодня опытный главный редактор сбит с толку. Если, действительно, будет повсеместно введен жесткий формат научной статьи (а статья, написанная в иной стилистике, будет признана ненаучной), то нужен ли вообще редактор? Что ему следует делать, если больше нет необходимости даже в сложившихся рубриках, которые отличаются именно стилистикой, жанровыми особенностями, ритмом, образным строем языкового воплощения? Ведь именно языковое и ритмическое богатство статей создает неповторимое эстетическое пространство каждого конкретного научного журнала. И автор находит соответствие своего внутреннего мира тому или иному изданию, выбирает его или пробует новые повороты и горизонты мысли и стиля. Журналов много, они разные, именно их разнообразие дает нам как шанс вы-

бора, так и возможность обозреть полноту культуры современного мышления. Сузить до предела стилистический формат статьи – это все равно что объявить «единственно верным» только жанр соцреализма, а все остальные поиски оставить за бортом искусства как такового. Картина, прямо скажем, знакомая, но сколь нежелательная!

Обратите внимание: сначала нам *советовали* писать статьи определенным образом, потом *уверяли* (так, мол, лучше для вас, авторов, будет!), потом *рекомендовали*, а теперь, кажется, IMRaD станет *«госстандартом»*, отклонение от которого карается весьма серьезно – отлучением от профессии (штамп отказа от Вашей статьи убийственно короток: «непрофессионально»!).

Четвертое. Имеем ли мы вообще право – не мы, впрочем, а наши, непонятно из какой среды появившиеся управленцы, сформулировавшие то, что называют «регламентом» научной статьи, заявлять, что статьи иного типа (написанные не по формату IMRaD) «ненаучны»? Скажу без обиняков: этот вдруг явленный кем-то безликим, что особенно примечательно, критерий *демаркации науки от «ненауки»* – нонсенс с точки зрения современной эпистемологии и философии науки. Получается, однако, что главный редактор научного периодического издания обязан его придерживаться! Что за бредовая, прямо скажем, ситуация?

Крайне неприятный нюанс этого пункта (демаркация «научного» и «ненаучного» стиля) – появление так называемых «черных списков» нынешних периодических журналов, даже если они входят в список ВАК. Лидером этой кампании выступила всем известная «Вышка» (Высшая школа экономики, или НИУ ВШЭ). Они этого не скрывают ни в коей мере. Вот перед вами на столе составленный ими «черный список», давайте ознакомимся. Казалось бы, документ создан исключительно для внутреннего употребления – иначе говоря, сотрудникам Вышки, которые посмели опубликовать свою статью в перечисленных журналах (названных «ненаучными»), эта

публикация не будет засчитываться в рамках так называемого эффективного контракта, который подразумевает выплату сотруднику некоторой денежной премии за публикационную активность. Однако эти списки не скрываются в недрах вышеупомянутого учреждения, а даже рассылаются по различным адресам. Как вы можете увидеть, в рамках весьма многочисленного списка журналов можно встретить два знакомых всем присутствующим имени: один – «Высшее образование в России», главный редактор которого сидит за этим круглым столом, а второй – «Вестник РГГУ. Серия Философия», то есть один из журналов нашего университета. Хотелось бы спросить: как можно к этому относиться?! Лично я обойдусь здесь без комментариев, так как меня просто захлестывают эмоции. Итак, кто следующий?..

Пятый пункт тесно связан с предыдущим: это проблема рецензирования. Да, солидный журнал должен рецензировать поступающие статьи – кто спорит? И всегда, смею сказать, это делал, безо всяких регламентов, присланных неизвестно от кого и откуда (впрочем, всегда сверху). В каждом журнале при этом была своя практика. В одних случаях ответственный секретарь собирал мнения двух членов редколлегии или авторитетных специалистов, а третья рецензия – главный редактор; в другом – члены редколлегии высказывают свое мнение по очереди – так, чтобы высказанные замечания были отправлены автору, иногда эти же люди просто правят статью, улучшая ее стиль; в третьих случаях статью «доводят до ума» (если она того стоит) научный и литературный редакторы, сотрудники редакции. В любом случае, отбор статей (как и заказ статей) начинается с Главного, он – самый мощный фильтр, это его основная культурная функция. У меня самой достаточно богатый опыт работы в научной периодике, и я знаю об этих разных практиках не понаслышке.

Спрашивается: что здесь дурного, если рецензирование и отбор статей проходили по-разному в зависимости от устройства

журнала? Для чего теперь введена письменная форма этой рецензии? Кому ее предъявлять – инспектору по трудовому законодательству? Рособназору или ВАКУ? О ком забота? Автору нужно другое, а именно – помощь редактора.

И, естественно, по поводу рецензентов возникает вопрос задыхающегося от возмущения Чацкого: «А судьи – кто?» Если ты как автор доверяешь журналу, то и замечания рецензентов тебе помогут, еще и спасибо скажешь. Если не доверяешь или просто обманулся в ожиданиях, то просто забираешь статью и идешь в другое издание.

Должна сказать, что при подготовке нашего круглого стола я просмотрела много материалов, связанных с нашей темой. Большинство этих материалов было предоставлено именно Михаилом Борисовичем, который был давно озадачен происходящим. Кратко я хочу представить основные публикации, в которых отразились тематика и проблематика нашего сегодняшнего обсуждения. Научное сообщество уже взбудоражено, это очевидно. Посмотрим на некоторые характерные публикации.

Вот статья, опубликованная в 2015 году в журнале «Высшее образование в России». Автор – кандидат социологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Института философии и права Уральского отделения РАН. Это – типичная смесь в жанре «полезных советов», отчасти увещеваний. Нам объясняют, как писать статьи в нужном формате, иронизируют над сложившимися в нашем сообществе образцами. Наше «Введение» – это не «Introduction»! Наше Введение «заманивает» читателя, а надо просто, без прикрас сразу сформулировать то, что ты хотел сказать. Нас предупреждают, что редактор дальше этой части статьи читать не будет (зачем?..), уже на этом этапе решается – печатать или нет. Отстали мы, братцы, от мировой науки...

Вот пример настоящей интеллектуальной дуэли: в газете «Поиск» (№ 8, 2017) в статье «Как уважать себя заставить?» филолог

Иосиф Стернин, профессор Воронежского государственного университета, задается вопросом: «Зачем учить ученого? Почему мы так не уважаем собственную российскую науку?!» Ему отвечает Ольга Владимировна Кириллова (№ 11, 2017) с характерным тезисом, выраженным в заголовке ее статьи-ответа: «Зачем учить ученого. Подготовка научной статьи – это тоже наука». Ее мнение особенно важно: автор – эксперт Scopus, президент Ассоциации научных редакторов и издателей. Ответ Ольги Владимировны, если кратко, следующий. Цитирую: «Если честно, выступление ученого в определенной степени заслуживает поддержки, многие высказанные замечания справедливы. Однако некоторые из аспектов проблемы требуют комментариев и пояснений, а где-то – возражений. Надо отдать должное профессору Стернину в том, что он поднял вопросы, которые заслуживают объективной оценки, так как касаются интересов большей части его коллег, представляющих не только гуманитариев, но и социальные области науки». Конечный вывод, тем не менее, гласит: «Структура аннотации и статьи, оговоренный объем научной статьи – эти требования в инструкциях зарубежных журналов взяты не “с потолка”. Проведено немало исследований на эту тему...» Одним словом, пошевеливайтесь, друзья! Вы же в глубине души понимаете, что IMRaD – это магистральный путь, позволяющий при всем том диагностировать «фейковые» публикации и издания и отсеивать их. В следующей энергичной статье «Брокер гонит брак. Как российским авторам и издателям не попасть в черные списки» (№ 13, 2017) Ольга Владимировна перечисляет некоторые «фейковые» издания (как правило, электронные) и предупреждает авторов: не публикуйтесь здесь, берегите репутацию! Прямо скажу: упомянутые ею издания, действительно, дурные, типичные имитаторы бурной научной деятельности, ничего больше. Но, честно говоря, у меня самой достаточно опыта и профессиональной интуиции, чтобы провести необходимую

диагностику, отличить брак или «фейк» от добросовестной работы.

Электронное издание «Indicator.RU» размещает остроумную, но тщательно аргументированную публикацию доктора философских наук, ведущего научного сотрудника Института философии СО РАН Дмитрия Винника. В ней говорится о требованиях, предъявляемых к оформлению отечественных диссертаций, и автор утверждает: анализ множества успешно защищенных работ показывает, что многие требования, выдвинутые действующим ГОСТом, являются «иезуитскими», бессодержательными или логически противоречивыми. Цитирую выводы: «Что делать? ... Процедура *honoris causa* [вручение степени почетного доктора наук без защиты диссертации на основании значительных заслуг] была введена именно для того, чтобы ученые, которые никак не могут преодолеть барьер отращения к диссертационной схоластике, могли бы получить докторскую степень. Например, самобытный индийский математик Рамануджан вообще не понимал, что такое доказательство, поскольку его стиль математического мышления был абсолютно контрналитичным. Офтальмолог Станислав Федоров был настолько погружен в практическую деятельность, что у него попросту не было времени на защиту диссертации. Также важно понимать, что сейчас многие соискатели овладели искусством академической мимикрии, прикрывая схоластической формой отсутствие содержания, что является пороком схоластики *per se*». Разве приведенные аргументы не относятся и к деятельности научных изданий, их политике и задаче – отличать зерна живой познающей мысли от плевел, порожденных умением мимикрировать в соответствии с требованиями IMRaD?

И наконец – очаровательная англоязычная статья Мелинды Болдуин «If referees we trust?» (в моем вольном переводе – вопрос Чацкого «А судьи кто?»). Автор – редактор издания «Physics Today's Books». В статье рассказана (и это завязка, точка отсчета для темы) история о том, как Альберт Эйнштейн

в 1936 г. отправил в журнал *Physical Review* свою статью о гравитационных волнах. Статья, сразу скажу, была ошибочной. Но суть не в этом. Наивный Эйнштейн был поражен тем, что его статью вообще кто-то рецензирует. В ответ величайший физик всех времен и народов принял радикальное решение: никогда более не публиковаться в этом авторитетном издании. Забавная история, не так ли? Но действительно: кто имеет право отвергать гипотезы и всякие поисковые вещи, столь значимые для сообщества исследователей? Вот в чем корень вопроса. Зачем тогда вообще нужны периодические издания, если передовой и потому всегда спорный, исследовательский поиск тут же пойдет в мусорную корзину? А каково такому автору ссылаться на исследования других, если никто еще не пошел в эту сторону?.. Слава Богу, как я говорила выше, журналов много, у них различная политика. Вина рецензентов, нанесенный ими урон для научной практики очевидны для научного сообщества, но совершенно не очевидны для наших горе-управленцев. Попробуйте им что-то доказать, попробуйте сослаться на исторические примеры, прецеденты – бесполезный разговор! И так во всем.

В заключение хочу подчеркнуть и провозгласить необходимость осознания опасности. Все эти тихие новации: методички для авторов по IMRaD, обязательные инструк-

тивные Положения для издателей – это, по моему мнению, типичные «змеиные яйца», если использовать емкое выражение великого кинорежиссера Ингмара Бергмана. Дальше станет хуже. Процесс размножения запущен, выплозание «змеек» и «дракончиков» уже началось. Именно об этом речь. В этом острота ситуации.

М.Б. Сапунов: Прежде всего, мне бы хотелось остановиться на обстоятельствах, которые побудили нас – редакцию «Высшего образования в России» и руководство РГГУ – организовать круглый стол по вопросам, столь эмоционально обозначенным в выступлении члена редколлегии Наталии Ивановны Кузнецовой. О мотивах, так сказать. В 2007 г. – а это был наш первый значимый юбилей, – мы провели круглый стол на тему «Научный журнал в образовательном поле». Видимо, под влиянием дискурса П. Бурдьё я предложил тогда посмотреть на наше издание как на некое место встречи разного рода социальных сил – политических, экономических, идеологических и т.д. Участвовали многие известные в академических кругах люди – преподаватели, исследователи, издатели. Очень квалифицированные люди, однако разговор на заданную тему не получился. Наверное, потому, что разговор о журнале как социальном агенте в политическом контексте еще не созрел. Но вот минули

10 лет, и если судить по тому, что мы слышали, в сфере научной периодики произошли весьма существенные сдвиги – и как раз в образовательном поле. То есть за прошедшие годы здесь случилось нечто, что коренным образом повлияло на место, занимаемое журналом в научной коммуникации, и повлекло за собой процессы дисциплинирования нашей деятельности. Может быть, это связано с резким расширением сети изданий и переходом количе-

ства в качестве (по оценкам eLibrary, число журналов за последние 25 лет увеличилось на порядок – с 800 в 1991 г. до 6 тыс. в 2016 г.), может быть – с общими процессами стандартизации, которые мы наблюдаем во всех областях нашей жизни. А потому сюжеты, о которых говорила Наталия Ивановна, можно расценивать как некие образцы всеобъемлющих превращенных форм контроля, который мы все сейчас испытываем с разных сторон. Ужесточается контроль и в нашей сфере – контроль по отношению к авторам, к редакторам, к самому процессу подготовки и публикации статей. Безусловно, присутствующие на этом собрании периодически оказывались в той либо иной роли, с позиции которых ситуация осмысливается и выглядит по-разному. Попробую разобраться в своих ощущениях и переживаниях как главного редактора отдельно взятого журнала. Впрочем, как и Наталия Ивановна, я имею опыт работы на разных позициях в разных изданиях: «Вопросах философии», «Социологических исследованиях», теперь вот – в «Высшем образовании в России».

Наш журнал был создан в конце 1991 года по приказу Госкомитета по высшему образованию как орган, способствующий организации и поддержанию единого исследовательского пространства в области наук об образовании в географическом (межрегиональность) и эпистемологическом (междисциплинарность) смысле. А также, что принципиально важно, – с целью укрепления сотрудничества научно-педагогических работников вузов России. В миссии журнала в качестве его задачи так и записано: выработка общезначимого языка описания и объяснения образовательной действительности, который позволил бы не только понимать происходящее в сфере высшего образования, но и сплачивать, объединять научно-педагогическое сообщество на основе ценностей содружества, солидарности, сотворчества. Понятно, что такая задача – это «государственное дело», и до 2003 г. учредителем издания выступало Министерство образования. Многие годы журналов по

тематике высшего образования было критически мало, что определяло как его статус и место в сообществе, так и особые, доверительные, «непосредственно общественные» отношения между редакцией и авторским активом. Они мыслились в терминах «общественного блага», совместных усилий в области производства, распределения и распространения научного знания, а на многочисленных встречах с читателями я постоянно подчеркивал ключевые слова на букву «К»: коммуникация, кооперация, координация, кооперенция, консенсус, коллективность, консолидация, коллективность, коммунитарность, коллегиальность и т.п. К сожалению, сегодня эти задачи и эти слова подвергаются коррозии: вместо солидарности – конкуренция, вместо общественного блага – рыночная услуга, вместо совместной деятельности и доверия – рейтингование, вместо живого общения – слепое рецензирование.

Вместе с тем мы по-прежнему пытаемся рефлексировать смысл своей деятельности именно в этих, «классических», категориях, о чем свидетельствуют рубрики журнала, в частности, новая – «Высшее образование: критический дискурс». Журнал до сих пор делается и делается как некий продукт своего рода ремесленного труда. Номер задумывается как проект и с каждым автором ведется «индивидуальная» работа, соответственно, статьи подвергаются рецензированию, предполагается серьезное научное редактирование, стилистическое, корректорское. И за каждую статью я несу ответственность. Однако с чем мы сталкиваемся сегодня? Недавно нам посоветовали завести новый сайт на новой платформе, т.н. электронную редакцию. Посмотрел инструкцию пользователя и, откровенно говоря, мало чего понял. Не могу себе представить, как продукт ручной работы возможен в режиме электронной редакции. Меня, естественно, интересует фигура научного редактора. Автор регистрируется, присылает статью и ожидает решение редактора. Какое? Оказывается – отправить эту статью на рецензирование. Предпо-

жим, я как редактор получу это рецензирование, и какова теперь моя задача? Отправить эту рецензию автору. Вот и вся моя работа. Мне кажется, что если мы пойдем по этому пути, то роль редактора в перспективе станет избыточной и будет заменена машиной. Автор ведь, по существу, напрямую может работать с базой экспертов. Зачем такой процедуре посредник – редактор? Он вообще не нужен, и меня это очень беспокоит. Ведь по такой схеме может начать работать и «живая реакция»: статья – рецензия – исправление замечаний – публикация. И беспокоит даже больше, чем модель IMRaD, настаивающая на структурировании статей.

Конечно, читать более-менее структурированную статью удобнее, и мы требуем от авторов придерживаться по возможности рекомендуемой логики изложения мысли. Однако обращаю ваше внимание и на опасности чрезмерной регламентации. Действительно, в 2015 г. мы опубликовали упомянутую Натальей Ивановной статью по этой теме. И в ней есть такая фраза: «текст должен соответствовать определенному эталону, иначе он не будет квалифицирован как научный». Получается какой-то перевертыш. Оказывается, текст является «научным» не потому, что соответствует критериям научности (в этой связи приглашаю высказаться присутствующих на нашем заседании философов науки), а потому, что соответствует модели IMRaD. Если в аннотации нет формулировок результата или методов, то он уже, стало быть, и не научный. Но ведь об этом тоже может «сказать» машина! Да и у редактора появляется соблазн сработать «как» машина – принять или отклонить (потребовать доработать!) статью по таким вот формальным основаниям. А потому, к сожалению, вполне возможна ситуация, когда автора оригинального текста «попросят» подвергнуть статью искажающей ее смысл и стиль переработке, а явно ненаучный текст примут сообразно «методическим рекомендациям» автоматически: имеются структурированная аннотация, ключевые слова, References – чего же более?

Я все-таки думаю, что когда аннотация начинает изобретаться по извне заданной модели, структура, конечно, выдерживается, но, как правило, ее содержание не выдерживает рациональной критики! И здесь я обращаюсь к филологам как специалистам по «экологии языка». Потому что в текстах встречаются сочетания совершенно безумные, когда, например, одновременно, в одном предложении используются через запятую слова «интеграция», «междисциплинарность», «синергетический». В одном предложении и, по-видимому, как синонимы. И таких сочетаний в педагогических текстах чрезвычайно много! Так давайте же заниматься грамматическим и логическим анализом языка и выбрасывать бессмысленные предложения, а также термины типа «инновационное образование» или «активные методы обучения», а не заставлять автора насильственно упаковать в аннотацию все, что он хочет сказать.

Теперь о «черных» списках. Само их существование говорит о том, что современный журнал функционирует не в некоем царстве «чистого разума», а в «политическом поле» т.е. подвержен идеологическим и экономическим влияниям. Почему Вышка поместила в свой список эти два журнала? Во-первых, они конкуренты, а во-вторых, за публикацию в хорошем журнале в университете выплачивается премия. Не буду сейчас говорить о критериях отбора «достойных» журналов, это специальная тема. Обращаю внимание: статья получает экономическое, финансовое наполнение, измерение. Если ты опубликовался в хорошем журнале, значит, это научная статья, и вот тебе деньги. Но ведь это опять перевертыш! Это чистейшая инверсия цели и средств. Впрочем, понятно: когда общественные отношения начинают опосредоваться товарно-денежными, возникает, как известно, фетишизм, система превращенных форм. В нынешние постмодернистские времена «чистый разум» оказался пронизан процессами, которые к науке как когнитивной сфере не имеют никакого отношения. Если статья как научная оценивается

в финансовых терминах, то что это значит? Во всяком случае, не то, что называется научным знанием в философии науки. Конечно, Бурдье или Латур могут позволить себе в рамках социологии знания говорить о научном знании в терминах экономики и политики. Но мы же должны все-таки понимать, что главной ценностью науки является истина. А это категория, простите, бытийная, метафизическая, не редуцируемая к отношениям в социальной реальности. «Гамбургский счет» никто не отменял, работа «по совести» не может быть замещена никакими «методическими рекомендациями».

И еще о нормировании научной работы. Конечно, культура – это совокупность заповедей, научная культура – в том числе. А это значит, что она является продуктом воспитания и образования. Я абсолютно твердо уверен, что современная аспирантура, т.н. образовательная модель, нужна именно потому, что ученый не рождается от мамы с папой, научному методу надо учить. Для того чтобы посмотреть на мир научно, т.е. «в форме объекта», как говорил К. Маркс, студента нужно научить проведению эксперимента, систематическому наблюдению, другим исследовательским компетенциям. Последние три года журнал уделяет большое внимание такому направлению обучения нормам научной работы, как «академическое письмо». Однако если этот курс в вузе будет сведен к обучению IMRaD, то к действительной науке это не будет иметь никакого отношения.

Н.И. Кузнецова: Мы здесь достаточно всех разбередили, попросим сейчас выступить Жана Терентьевича Тощенко. В 1966 г. был первый советско-польский симпозиум по науковедению и наукометрии, на котором я присутствовала, хотя мне было 19 лет. И когда я сейчас вспоминаю, как обсуждали наукометрические методы, то думаю: вот они – змеинные яйца! Тогда надо было их давить! Но кто же мог подумать, во что все это превратится! Сантиметром можно мерить и важные вещи, а можно и задушить! И вот Хирш, ни в чем не повинный и т.д. – теперь это наши пал-

ки. Жан Терентьевич, что Вы по этому поводу скажете?

Ж.Т. Тощенко: Я выступаю здесь в двух ипостасях – как главный редактор академического журнала «Социологические исследования» и как член редакционной коллегии «Вестника РГГУ. Философия, социология и искусствоведение». Я остановлюсь на том, что больше связано с моей практикой как главного редактора и хотел бы обратить внимание на механизм прохождения статьи, который отражает политику редакции и правила взаимодействия с авторами. У нас они четко прописаны и соблюдаются, возможно, поэтому журнал СОЦИС стал одним из первых академических журналов, вошедших в Web of Science, Scopus.

Что касается редакционной политики, то наше внимание сосредоточено на соблюдении основных принципов научности, связи с реальной практикой, активным участием в научном и образовательном процессе, учете интересов социологического сообщества и всех его представителей – авторов, читателей, всех интересующихся социальной проблематикой. Эта установка находит отражение, во-первых, в публикации материалов, демонстрирующих успешное сочетание теоретических и прикладных возможностей социологии. При всей важности сугубо теоретико-методологических статей мы делаем акцент на связи социологической теории с социальной реальностью, с теми проблемами, которые волнуют людей, представляют предмет их интереса, тревог, забот, волнения.

Во-вторых, особое значение мы придаем новым идеям и новым подходам в социологических исследованиях. Социология, как и любая наука, нуждается не только в постоянном совершенствовании сложившихся инструментов познания, но и в не меньшей мере – в поиске новых методик и приемов исследования, свидетельствующих о приращении знания, новизне и оригинальности предлагаемых тем. К этому примыкает задача разработки оригинальных методологических решений при исследовании конкретных проблем.

В-третьих, постоянно осуществляется поиск точек роста и повышения уровня анализа во всех без исключения обобщающих и специальных социологических теориях, будь то экономическая или политическая социология, социология молодежи или социология села, политическая социология или социология религии и другие направления социологического знания.

В-четвертых, редакция обращает пристальное внимание на использование социологического наследия, на его роль в соблюдении преемственности, на приращение знания в тесной увязке с накопленным в социологии наследством.

И наконец, мы специально выделяем материалы молодых коллег, публикуем начинающих научных сотрудников, тех, кто делает первые шаги в науке.

При этом нас особенно заботит качество публикуемых статей. Это тема отдельного разговора, что, кстати, подробно отражено в моем обращении как главного редактора “О качестве научных публикаций” (2015. № 1).

Что касается требований к авторам, то напому часть из них. Прежде всего, это четкая формулировка цели и задачи публикуемой статьи, какую проблему автор собирается решать, что дает социологии как науке предлагаемая статья (т.е. теоретическое обоснование темы). Редколлегия и редакция не поддержи-

вают материалы умозрительного характера, никак не связанные с реальностью, а также содержащие перечень и описание эмпирических данных, которые могут быть интересны для конкретной организации, но не всегда понятно, почему эта информация должна стать достоянием других аудиторий и насколько она будет полезна и необходима для них. Приходится нередко убеждать авторов, что новые цифры – это еще не наука. Их надо сопоставлять с данными других исследований, рассматривать в динамике (во времени) и четко формулировать научные выводы. Очень большие претензии возникают в связи с тем, что авторы не соблюдают методологическую и методическую культуру. Ряд авторов плохо знают труды и идеи исторических предшественников разрабатываемых ими концепций, при этом часто забывают и даже игнорируют труды отечественных социологов.

В свою очередь, редакция видит свою ответственность в том, чтобы к рецензированию поступивших статей привлекать больше специалистов, зарекомендовавших себя и признанных в социологическом сообществе, своевременно информировать о принятом решении, сообщать замечания и выводы (при отказе) или предложения (при доработке). Некоторые статьи удручают небрежностью, несоблюдением элементарных правил, обилием грамматических, синтаксических

и стилистических ошибок, что заставляет нас усомниться – а читал ли автор свою статью, направляя ее в журнал? В целом мы хотим, чтобы наше общение с автором протекало максимально уважительно, даже в случае отказа от публикации. В этом мы видим соблюдение этических норм академического журнала.

Каков механизм прохождения статьи в журнале? Она поступает редактору, затем рецензентам, потом ее читают заместитель главного редак-

тора или ответственный секретарь, в заключение – главный редактор. Мы одно время с Михаилом Борисовичем работали в журнале совместно, и выработался алгоритм, который не совсем похож на тот, что здесь обсуждался, но, думаю, он эффективно работает. Если статья теоретическая, то достаточно ограничиться логико-историческим подходом к анализу избранной проблемы. Если статья содержит эмпирический материал, то необходимо не только описывать, но и объяснять, интерпретировать полученную информацию, претендовать на типологизацию или классификацию выявленных данных. И в теоретической, и в эмпирической статье важно выявить проблему, что она собой представляет. Просто фиксации определенной информации недостаточно – нужно знание и выявление тенденций: в каком временном отрезке некое состояние изменяется или изменилось, в каком направлении движется. Для ряда статей важен поиск ответа на вопрос, как выявленные проблемы решать, что надо сделать в процессе регулирования или управления изучаемыми процессами. Особенно это значимо в том случае, когда социолог вовлечен в практическую деятельность конкретной организации, администрации региона, населенного пункта. Заключение статьи – это предложения, размышления, обоснование возможного способа совершенствования научного знания, а иногда рекомендаций, как это применить на практике.

Данные принципы взаимной ответственности «заинтересованных сторон» прошли многолетнюю апробацию, и их применение оправдывает себя. Во взаимодействии редакции и автора есть один очень важный и щепетильный вопрос. Как поступать с текстами, с которыми редактор как сторонник определенной позиции не согласен? На мой взгляд, работник редакции должен четко отделять свою позицию как ученого от позиции редактора. Я считаю, что статьи, с которыми я не согласен, не должны вступать в противоречие с моей позицией как редактора. Если есть определенная система доказательств,

есть последовательность размышлений, то надо дать слово и иной точке зрения. У нас в журнале мы допускаем разнообразные, даже альтернативные мнения. Иногда мне звонят и говорят: зачем вы такую неправильную и даже дурацкую статью напечатали? Моя реакция одна – пиши встречную, но обязательно со своей логикой доказательств, и мы ее мы поместим. Мы всемерно приветствуем дискуссионные вопросы, полемику. Главный редактор – как двуликий Янус: как автор он имеет свое мнение, а как редактор должен дать возможность выразить другую позицию. Он должен понять замысел автора, оценить, помочь, возможно, вместе с рецензентами. Кстати, и мнения рецензентов мы тоже не абсолютизируем. Допускаем, что автор может согласиться, полу-согласиться, а с некоторыми может и не согласиться, но пояснить, почему и по каким причинам он не соглашается с соответствующим заключением. Это позволяет нам публиковать концепции представителей различных точек зрения. Я думаю, что именно так можно соответствовать требованиям, связанным с соблюдением научности статьи.

И последний момент, который мы отслеживаем, – это вопросы плагиата. Я согласен с тем, что редактор – это фильтр. Да, это такое сито, которое призвано проверить статью на оригинальность. Иначе мы с такими авторами не имеем дела, «поражаем в правах». Коллеги знают: нередко бывает так, что автор рассылает в разные журналы один и тот же текст. Если мы это обнаруживаем, мы прекращаем с ним сотрудничать.

Есть еще один щепетильный момент. Он заключается в том, что в журнал присылают статьи и историки, и экономисты, и психологи, доктора физ.- мат наук, химии. Как граждане, они имеют собственное мнение, у них что-то болит, им хочется выразить свое отношение к злободневным проблемам. Но выражают они это языком повседневной речи, которая слабо или совсем не коррелирует с языком социологии, с ее категориальным и понятийным аппаратом, с наработка-

ми, накопленными в этой науке. Я постоянно сталкиваюсь с выбором: с одной стороны, хочется поддержать коллегу, с другой – такого рода материалы требуют от редакторов дополнительных усилий, чтобы привести их в соответствие с принятыми нормами, чтобы они отражали не только субъективное мнение автора, но и удовлетворяли требованиям социологической науки и того журнала, который представляет эту науку.

Н.И. Кузнецова: Спасибо, Жан Терентьевич. Я так понимаю, пока вы сохраняете традицию, но, думаю, это связано, скорее всего, с тем, что вас и не заставляли жить по новым правилам. Там, где это есть, как в «Вопросах философии», традиции и сохраняются. Именно в связи с этим я попрошу высказаться Ирину Борисовну Короткину как эксперта в академическом письме. Я честно подняла забрало и показала, что именно тревожит. Как Вы к этому относитесь?

И.Б. Короткина: Я с некоторых пор печатаюсь в журнале «Высшее образование в России», помогаю вести рубрику «Академическое письмо», в которую я вторглась как эксперт в академическом письме. Попытаюсь осветить несколько аспектов нашей темы. По привычке «структурирую» свое высказывание.

О культурно-исторических корнях. Хотя традиции научного письма в России складывались в определенной изоляции от западных (англоязычных), я бы не стала отстаивать их культурную «самобытность». Наука в принципе не имеет национальных границ, и даже сугубо локальные исследования особенностей национального языка и культуры имеют научную ценность лишь в том случае, если несут в себе что-то подлинно новое для данной отрасли знания в целом. Следовательно, если вообще допустимо говорить о культуре научного текста, то это культура, в основе которой лежит уважение к научному сообществу вне национальных границ. Если этот принцип соблюдается, то исследование в равной степени достойно публикации как в отечественном, так и в международном журнале.

Гуманитарные, философские, социологические тексты действительно отличаются от технических и естественнонаучных большей публицистичностью, однако это не означает, что в них допустимо переходить грань между наукой и публицистикой. Напротив, это возлагает на авторов особую ответственность за удержание рассуждения в рамках объективности, точности и беспристрастности. К сожалению, эта грань в России часто размыта, в результате чего гуманитарные тексты *в массе своей* действительно многословны и малоинформативны по сравнению с естественнонаучными и социально-экономическими. Впрочем, русскоязычные тексты и в других дисциплинах страдают не менее тяжкими недостатками с точки зрения ясности и адресности. В этом и коренится та проблема выхода на международный уровень, которая может быть решена за счет эксплицитной системы развития навыков написания научного текста, каковой является академическое письмо.

Мне довелось работать с различными научными текстами в различных отраслях знания – от прикладных аэрокосмических исследований и медицины до политической науки и социологии, причем я выступала в трех ипостасях – как переводчик, редактор и преподаватель языка для специальных

целей. Полагаясь на этот почти 40-летний опыт, а также на многолетний опыт исследования академического письма как действующей на Западе дисциплины, могу со всей ответственностью заявить, что учить ученых писать не только можно, но и нужно. И учить их нужно с младых ногтей, начиная со средней и даже начальной школы, ведь академическое письмо – это дисциплина, которая развивает не только и не столько языковые, сколько метаязыковые компетенции, учит отстаивать свою точку зрения, уважая чужую, всесторонне обосновывать свою позицию, анализируя и критически оценивая все то, что уже высказано другими авторами, и таким образом вносить свой вклад в дискуссию, которая и является движущей силой развития науки.

О форматах. Такое обучение письму, безусловно, предполагает методы организации информации, однако эти методы связаны отнюдь не с форматами типа IMRaD (их попросту нет в системе трансдисциплинарного академического письма) или с теми форматами написания диссертаций, которыми душат нас отечественные формуляры, а с логикой и риторикой текста. Недаром академическое письмо на уровне университетского образования в США так и называется: «риторика и композиция». Соблюдение норм всегда определяется системой ценностей и целей коммуникации. Когда это соблюдение превращается в самоцель, нормы утрачивают свою рациональную связь с ценностями. Как гласит русская мудрость, «заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет». В нашем случае налицо очередная попытка обучить сразу всех ученых в России писать убедительно и ясно за счет простого соблюдения жестких правил одного формата. По сути, это попытка решить проблему аморфности российских гуманитарных текстов (безусловно, важная, но очень сложная и комплексная проблема) одним росчерком бюрократического пера.

Справедливости ради отмечу, что формат IMRaD вовсе не плох. Он очень удобен

в определенных случаях для определенного рода исследований, но при этом является лишь частным проявлением общей риторики научного текста. Вряд ли стоит доказывать, что в любом научном (и ином профессиональном или деловом) тексте всегда есть введение (Introduction), что выраженная в тексте исследовательская, авторская позиция (Research) требует всестороннего методологического, эмпирического, теоретического (или иного релевантного для данного текста) обоснования (Methodology) и, наконец, что в тексте может не быть однозначного заключения, но всегда есть порождаемые текстом новые вопросы или побуждение к дальнейшим исследованиям (Discussion). Собственно, заключение всегда содержит не только выводы, но и то, что они за собой влекут.

Такая общая риторическая модель сама по себе является не форматом, а лишь основой для построения бесконечного числа разнообразных научных текстов. Эта модель является логическим продолжением пятичленной модели классической риторики, которая и служит основой академического письма. Таким образом, насаждать формат IMRaD означает утверждать, что частное формальное проявление общей рациональной модели шире ее самой, что противоречит здравому смыслу.

Пользуясь случаем, обращаю ваше внимание и на то, что развитие классической риторики в XX веке в удобную, экономичную и общепонятную систему риторики и композиции международного научного текста не менее нелепо приписывать «англосаксонской» культуре только потому, что ученые США внесли в нее наиболее существенный, весомый и потому признанный мировым сообществом вклад, – ведь не мог же Аристотель быть англосаксом? Этот вклад был результатом долгой, поистине титанической борьбы против засилья формализма, долгое время навязывавшего каждому абитуриенту университета список обязательной, специально отобранной художественной литературы с совершенно определенными, идеологически цензурированными рамками трактовок этих

текстов. К великому сожалению, в России до сих пор письмо и язык связываются с таким подходом, и это одна из причин, по которой не-филологи так пренебрежительно (*de facto* небрежно) относятся к языку своих текстов. Для них язык – дело филологов. Филологи же, лишенные математически точного риторического образования, склонны увлекаться языковой софистикой, теряя границы рациональной научности. Это еще один довод в пользу обучения ученых письму трансдисциплинарными методами.

О работе редактора. Электронная платформа подачи рукописей позволяет сделать процесс публикации прозрачным и ни в коей мере не умаляет деятельности редактора, о чем беспокоится Михаил Борисович. Здесь формат позволяет автору четко отслеживать этапы процедуры, а процедура едина для всех: первым статью рассматривает редактор, и он вправе отклонить статью, написав автору причины, по которым он не считает нужным направлять ее рецензентам. Я получала такие письма, и доводы редакторов всегда были мне понятны и представлялись резонными. Это могло быть несоответствие «нише» (узкой тематике) журнала, недостаточность обоснования (ссылок, что типично для русских авторов) или иные причины, позволяющие предположить заведомо отрицательную реакцию рецензентов. У редактора международного журнала большое число статей, поэтому статья может «зависнуть» у него на месяц или два. Все это время автор ждет письмо от редактора, а не от рецензентов. Рецензии международных экспертов всегда развернуты, состоят из нескольких страниц текста с обоснованием каждого момента критики. Вот почему экспертиза не делается быстро.

Не соглашусь и с мнением, что рецензент влияет на позицию автора. Он лишь указывает на те стороны текста, которые не соответствуют требованиям, предъявляемым к научным публикациям в данной области знания. Таким образом, задача редактора – выявить общие недостатки текста, а рецензента – частные и более узкоспецифические, поскольку редак-

тор не может быть специалистом во всех конкретных направлениях. Рецензия не является предписанием к действиям, и автор вправе вносить в текст лишь те изменения, которые считает приемлемыми. Есть нормы и жесткие требования к самим рецензентам и рецензиям, поэтому вряд ли можно получить какое-то предвзятое мнение (в моей практике был случай, когда редактор не прислал мне вторую рецензию, поскольку счел ее предвзятой и слишком резкой; зато первая была очень информативна и полезна). Как было отмечено, авторы очень ценят рецензии международных экспертов, поскольку они крайне полезны для доведения текста до более высокого научного уровня. Кстати, многие редакторы и эксперты видят именно в двойном слепом рецензировании альтернативу квантификационному подходу по индексу цитирования.

О продвижении журнала. В настоящее время наметилась тенденция отхода от повального увлечения зарубежными публикациями. Эксперты Scopus отмечают, что без повышения качества отечественных публикаций и рейтинга отечественных научных журналов мы не выйдем на повышение рейтинга российских исследований в международной научной среде. Полностью согласна. Разумеется, квантификационный подход к качеству научного труда имеет массу издержек и очень удобен своей формализованностью бюрократическим структурам, о чем писал еще Д. Лукач. Тем не менее качество многих журналов необходимо повышать, а иные и закрывать. Вопрос состоит в том, как это сделать без ущерба для науки и для достойных журналов.

Хорошая, на мой взгляд, тенденция состоит в том, что кроме «черных» списков, о которых здесь говорилось, стали появляться и «белые» списки журналов. Не думаю, что наш университет здесь первый, но мы также утвердили в конце 2016 г. такой список, объединив списки научных журналов, которые представили руководители программ по своим направлениям. Кому, как не им, знать, в каком журнале, причем независимо от его «ВАКовской» или «Скопусовской» принадлеж-

ности, наиболее ценны публикации их коллег. Есть узкие журналы с меньшим числом читателей, но особенно уважаемые в данной дисциплине. Я также подала список, в котором поставила «Высшее образование в России» на первое место, поскольку не знаю иного, в котором обсуждению институциональных и методических проблем академического письма уделялось бы столько внимания: благодаря рубрике «Академическое письмо» мы имеем важную площадку для обсуждения. Полагаю, что распространение практики «белых» списков позволит более объективно и качественно оценить тот или иной журнал.

Еще одним препятствием в конкурентоспособности наших журналов является их бедственное финансовое положение. Международные издания имеют могущественных спонсоров в лице крупных издательств, университетов и научных организаций. Отечественные журналы такой поддержки не имеют. Сами издательства в России находятся не в лучшем финансовом положении, чтобы содержать научные журналы. Университеты и институты же, как правило, ограничиваются изданием собственных «Вестников» или «Вопросов», в которых публикуются их же сотрудники. «ВАКовский» статус часто означает публикацию ради диссертации, а не ради вклада в науку. При этом даже такие издания испытывают финансовые трудности. Сами университеты и научные организации далеко не всегда настолько богаты. В этих условиях трудно ожидать быстрых результатов, однако я вижу несколько путей ускорения процесса интернационализации.

- Внедрение системы академического письма в программы вузов, а в дальнейшем и школ, создание центров письма и построение эффективного взаимодействия преподавателей письма с редакторами журналов. Российский консорциум центров письма – первый шаг на пути построения такого взаимодействия и первый шаг к «обучению ученых».

- Создание «белых списков» журналов и выведение этих списков в открытый доступ с дискуссионной площадкой. Недопустимы

«местечковые» списки, признаваемые только отдельными группами и обусловленные личными интересами. Сайт консорциума может стать одной из дискуссионных площадок.

- Привлечение зарубежных авторов к публикации. Немногие российские ученые могут писать на английском языке, но читать могут многие, поэтому переводить статьи на русский нет необходимости (достаточно аннотации). Включение зарубежных статей в отечественные журналы повысит их читаемость за рубежом и позволит, кстати, оценить их качество, исходя из того, какого уровня зарубежные ученые согласились в них публиковаться. Здесь вряд ли может сработать метод скрытого подкупа – ведущие ученые дорожат своим именем в науке.

И немного о культурной традиции. У нас в Институте общественных наук РАНХиГС запускается много совместных международных программ и есть большие проблемы с их обеспечением, потому что приезжают зарубежные студенты. Это ребята из разных стран, но отнюдь не англосаксы. Проблема академического письма здесь очень остро стоит, и решаем мы ее за счет английского языка, на котором они учатся. И вот что интересно: русские иногда обучаются быстрее, чем индусы или нигерийцы, для которых английский вроде бы родной. А знаете почему? Потому что национальный язык не имеет значения, а значение имеет логика и привычка определенным образом выражать свои мысли. Тут-то культура и начинает мешать: некоторые просто физически не могут писать кратко. Как-то получила от индуса e-mail с автоуведомлением об отсутствии адресата, так вот это уведомление вместо одной строки состояло из длиннющего эмоционального текста типа «Тысяча извинений, о глубокоуважаемый корреспондент! Я всей душой понимаю ваше стремление получить от меня, недостойно уехавшего в далекие края, ответ, в то время как...» Словом, Восток – дело тонкое. Только вся тонкость восточной или широта русской души должны жить дома, в семье, в поэзии, где угодно, только не в на-

уке. Тратить драгоценное время зарубежного коллеги на понимание сути исследования, заставляя его продираться через культурные экивоки и словесные выкрутасы, просто чудовищно невежливо. Я за это очень боюсь, возможно, потому, что по образованию я не филолог, а структурный лингвист, и знаю, что язык – это математика, а не культура. Это инструмент мышления. А пользоваться инструментом надо с умом, особенно если этот инструмент – язык науки. Всю жизнь я мечтала, что настанет день, когда в России обратят внимание на безграмотный и бессистемно написанный текст. Если хочешь выразить свою мысль, перестань отвлекаться, если хочешь что-то доказать, то докажи ровно то, что хочешь и можешь. Даже если текст философский или филологический, он должен иметь свой фокус.

В.И. Заботкина: Сложно выступать в присутствии Ирины Борисовны, она эксперт по академическому письму. Но у меня будет весьма прагматичный вклад в текущую дискуссию. Да, я согласна, мы русские люди и должны думать о сохранении своих традиций, но коль скоро мы говорим о продвижении российской науки за рубежом на английском языке, мы обязаны соблюдать требования той культурной модели академического письма, которая принята в журналах, издающихся за рубежом. Здесь уже было сказано о том, что в Америке и Великобритании с детских лет готовят к написанию так называемого “Five-paragraph essay”, эссе из пяти абзацев. Это то, что формирует культуру академического письма в англосаксонской традиции. Любой ученик, любой студент в англо-американском учебном заведении должен уметь это делать. Напомню известные вещи. Первый абзац – это утверждение, второй, третий и четвертый абзацы – это доказательства, они не должны быть связаны между собой. И пятый абзац – это заключение, которое завершается фразой: “Quod erat demonstrandum” – QED («я доказал»).

Мало перевести русскую статью на английский язык – ее никто не примет. Вопрос

в том, как мы должны строить свою систему доказательств, если хотим опубликоваться. Хочу сослаться на последнюю работу Стивена Пинкера «Руководство по письму для мыслящего человека в XXI веке» (The Sense of Style: The Thinking Person’s Guide to Writing in the 21st Century). С точки зрения Стивена Пинкера, главное “проклятие знания” заключаются в следующем: мы зачастую не задумываемся о том, что кто-то может не знать того, что мы уже знаем, и потому неявно выражаем свои мысли. Так, он пишет: «Автору очень трудно представить себе, что есть кто-то, кто не знает того, что знает он». Это в большей мере характерно для российской традиции академического письма, а в англо-американской традиции принято положение о том, что читатель не обязан знать всего, что знает автор, а потому выражайте свою мысль четко, ясно и последовательно.

Итак, главное отличие англосаксонской культуры от наших традиций письма – это ясность доказательств. Это отражается в структуре абзаца. В английском языке абзац строится по принципу прямой стрелы. В романских языках, так же как и в русском, стрела имеет вид ломаной линии. Мы отвлекаемся, включаем ассоциации, потом возвращаемся к исходной мысли и продолжаем изложение. Очень люблю читать Фуко, потому что он представляет романский стиль, близкий к нашему. Англосаксонская модель ака-

демического письма ориентирована на читателя, наша модель – в большей мере на автора. Это, видимо, связано с мультикультурным характером англо-американского языкового сообщества. Прямая стрела – это примитивно, но она ясна и предполагает четкость и ясность доказательств. Кроме того, в английском языке абзац не может превышать 12–13 строк. У нас же, как вы знаете, он может достигать до 40. И еще раз повторю основное. Английский язык ориентирован на читателя. Автор статьи ответствен за то, чтобы его идеи были прозрачны.

Организация текста в англосаксонской модели предполагает некие различия в саморедактировании на предмет лаконичности. Чем меньшее количество слов используется для выражения своей мысли, тем лучше – так вы редактируете себя с точки зрения ясности предложений и четкости доказательств. Пять абзацев, о которых я говорила выше, как раз направлены на эту ясность, четкость, в конечном счете – на убеждение читателя.

Что еще очень важно при написании статьи на английском языке? Нельзя забывать о том, что если в начале статьи вы употребили какой-то термин, допустим, *young people* («молодые люди»), то далее вы должны употреблять его же. Если вы напишете *«youth»*, а потом – *«teenager»*, то читатель подумает, что вы говорите о разных референтах. Через всю статью должно проходить одно и то же слово.

М.Б. Санунов: Синонимы не применяются?

В.И. Заботкина: Желательно, чтобы референт, который вы выбираете, был назван одним и тем же словом. Недопустимо, если в статье вначале говорится: «Государственная Дума», а потом используется синоним. Это влечет потерю ясности.

Теперь о пассивном и активном залогах. Мы всегда считали: чем больше пассивного залога, тем больше статья соответствует критериям научности. Те, кто подавал статью на редактирование в зарубежные журналы, знают, что вам тут же его вычеркнут и поставят активный залог, потому что все должно быть ясно и понятно. Современные

требования таковы, что пассивного залога желательного избегать.

Я говорила о различиях в аргументации. У нас аргументация – по Гегелю (не только у нас, у французов тоже): тезис – антитезис – синтез. У англосаксов аргументация выстраивается по Аристотелю: логос – этос – пафос (*logos, ethos, pathos*). Это составные части его риторики, лежащие в основе структуры аргументации в научной статье.

Итак, в различных культурах действуют различные модели академического письма, и мы не можем не обращать на это внимание, если хотим быть опубликованными в англосаксонских журналах. В заключение хочу сказать, что в этом году мы создаем Центр академического письма с участием наших американских коллег, где будут проводиться консультации для наших ученых, которые хотят писать на английском языке.

Н.И. Кузнецова: Вот видите, что такое коммуникативная площадка. Спасибо журналу. Друзья мои, у нас здесь присутствует замечательный человек, член редколлегии журнала «Высшее образование в России» Василий Савельевич Сенашенко, который любит цифры, но у него всегда какие-то неожиданные демонстрации этих цифр. Пожалуйста, Василий Савельевич.

В.С. Сенашенко: Я услышал очень много интересного, я бы даже сказал, неожиданного, но хочу немножко приземлить дискуссию. Поскольку сегодняшний круглый стол инициирован журналом «Высшее образование в России», хочу поговорить о нем. Прежде всего, как было обозначено в предварительных материалах, нам надо обсудить модель журнала, его тематическую направленность (философские, социологические, педагогические науки), также характер публикаций, на которые он ориентирован. Хотел бы еще добавить, что очень важно – это социальная направленность журнала, т.е. его ориентация на определенную аудиторию авторов и читателей. Все это в совокупности и определяет политику журнала.

Крайне актуален сегодня вопрос о взаимодействии журнала с окружающим миром. В данном случае речь идет о вхождении его в мировые библиометрические базы данных Web of Science или Scopus. Из выступлений, которые мы слышали, следует, что это все же вызов, парализующий нормальную работу отечественных научных журналов. На мой взгляд, он возник в результате появления странных критериев вхождения в проект 5-100, и потому к этому надо относиться как к временному конъюнктурному стечению обстоятельств. Эти библиометрические базы данных создавались без нашего участия. Их дальнейшее развитие подчинено определенным правилам, которые регламентируют порядок, критерии вхождения в них новых информационных источников. В ряде случаев эти критерии трактуются весьма произвольно.

Очень важно отметить также появление института посредников между упомянутыми выше библиометрическими базами данных и отечественными журналами, а также отдельными авторами, которые трактуют происходящее, исходя из своих корыстных интересов. Условия вхождения в эти базы, как показывает жизнь, трактуются весьма произвольно, что вовсе не является свидетельством их прозрачности. Тем более что их прозрачность определяется чаще всего посредниками. По-

этому либо мы соглашаемся с требованиями учредителей Web of Science или Scopus и пытаемся решать вопрос вхождения журнала в указанные базы данных, либо считаем условия вхождения для нас неприемлемыми и отказываемся от этой затеи.

Я хочу напомнить вам практику издания научных журналов в Советском Союзе в довоенный период. Практически все научные журналы в области естественных и математических наук издавались на немецком языке. Уже в 1960-е гг. стояла очередь иностранных издателей на перевод наших журналов на английский язык. Конечно, статьи были разного уровня и переводились выборочно. Например, «Журнал экспериментальной и теоретической физики» переводился на английский язык процентов на 80. И не нужны были эти базы Web of Science или Scopus.

Я уже говорил о том, что спровоцировало сложившуюся ситуацию. Вот, например, при встрече с преподавателями одного из университетов слышу, что для увеличения рейтинга университета им в течение года необходимо иметь 400 публикаций в базовых журналах, а к середине года имеется только 100. Поэтому университет готов оплачивать недостающие публикации. Происходящее — это признак слаборазвитой страны с недостаточно развитой наукой, которая стремится себя позиционировать любыми способами. Неизбежно появляется и имитационная составляющая обсуждаемой проблемы, и это нельзя не учитывать.

В любом случае, остается вопрос о будущем журнала, направлениях его дальнейшего развития. Тематически журнал, я считаю, состоялся, и вряд ли в этом плане нужны какие-то резкие подвиги. Остается проблема повышения библиометрических показателей журнала как одного из критериев его научности. Но я здесь ставлю знак вопроса, потому что принятые библиометрические показатели нельзя в полной мере считать показателями научности журнала. И кстати, в первой части нашего обсуждения возникли в этой связи хорошие вопросы. Мы должны

определился, что такое научный журнал, «хорошая статья», «элитная статья», «научная статья», «научный журнал». А что это такое? Нет полного понимания, что означают приведенные определения. В научном журнале должно быть 100% научных статей? Или хороших статей, или элитных статей? Во избежание недоразумений нужны более четкие определения.

Естественно, когда речь идет о библиометрических показателях, то вхождение журнала в мировые базы данных можно рассматривать как эффективный инструмент решения этой проблемы. На сегодняшний день в высшей школе, да и в отечественной науке сложилась ситуация, которая провоцирует активных исследователей публиковаться в журналах, входящих в Web of Science и Scopus. Это может отрицательно сказаться на качестве нашего журнала, на его статусных позициях. Поэтому вопрос решается следующим образом: либо журнал входит в мировые информационные базы и использует этот шаг как инструмент, способствующий повышению статуса журнала и улучшающий его имиджевые характеристики, либо журнал не занимается этим. Проблема достаточно сложная. Сегодня никто не говорил об экономической ситуации, связанной с изданием журнала, а она достаточно тяжелая. Собственно, она и является одной из ключевых составляющих обсуждаемых вопросов. Если бы экономическая ситуация была проще, тогда бы и поиск иных источников развития журнала мог бы быть маневренным.

Теперь что касается технических моментов. В журнале опубликованы сведения для авторов, требования к оформлению рукописей. Но, должен сказать, у каждого журнала есть свои особенности в зависимости от издательского ресурса, профиля журнала, характера представляемых материалов. Помоему, всё еще не хватает детальной памятки рецензента. Эта памятка должна быть открыта и стать составляющей издательской политики журнала. При этом уровень научности каждой отдельной публикации

оценивается рецензентами. Предпочтительным считаю закрытое рецензирование. На основании имеющегося опыта публикации работ в различных зарубежных журналах могу утверждать, что типы рецензирования могут быть самыми различными. Вначале могут назначаться два рецензента. Если автор не соглашается с содержанием полученных рецензий, то редакция направляет статью на дополнительную, третью, рецензию. Возможны и такие случаи, когда, по мнению редактора, статья актуальна, что называется, выполнена «на кончике пера», и тогда редактор самостоятельно принимает решение о её публикации. То есть не существует какого-то единого жесткого правила.

На мой взгляд, требования к научным публикациям в различных областях науки должны быть близки, поскольку алгоритм проведения исследований имеет инвариантное ядро независимо от области исследования (постановка задачи, метод исследования, анализ полученных результатов, выводы и пр.). При этом важную, а возможно, и ключевую роль играет искусство моделирования явлений окружающего мира – как природы, так и социума. Существует тесная связь между моделированием в науке и изложением результатов научных исследований. Моделирование в науке – один из наиболее универсальных подходов к проведению научных исследований независимо от области науки, будь то естественные, социальные или гуманитарные науки. Построение моделей предполагает определенную организацию исследований, определенную логику их проведения. Конечно, существует громадное разнообразие всевозможных моделей наблюдаемых явлений. Но всегда при построении моделей есть единый набор «заповедей», а именно: отсесть второстепенное, не искажая смысла происходящего, выделить главное, найти адекватный алгоритм его формализации, оценить реалистичность принятой модели. Все это, так или иначе, находит отражение в научных публикациях безотносительно к области науки.

Конечно, в различных областях науки сложились традиционные подходы к инструментальному обеспечению исследований и к представлению результатов. Отсюда следует, что изложение результатов не может быть жестко унифицировано. Так, например, в публикациях в области социальных и гуманитарных наук, как правило, в той или иной мере присутствует «публицистическое начало». Сегодня уже говорилось о многословии. В публикациях в области естественных и точных наук это большая редкость. Вряд ли стоит акцентировать внимание на существовании грани между теоретическими и экспериментальными исследованиями. Характер представления таких исследований традиционно отличается лишь тем, что описание теоретических исследований обязательно включает изложение метода исследования, представление модели рассматриваемых явлений, анализ ее «ресурсных возможностей». Тогда как изложение экспериментальных исследований включает описание, сопровождаемое, как правило, иллюстрациями экспериментальной установки, анализ условий проведения эксперимента, достоверности полученных результатов. Это выглядит естественно, и ни у кого не вызывает вопросов публикация этих работ безотносительно к тому, в какую библиометрическую базу включен тот или иной журнал.

Несколько слов по волнующей меня проблеме академического письма. В одной из публикаций я встретил безапелляционное утверждение, что обучение академическому письму – это наука. Возможно, в бытовом смысле – да. Однако наука как таковая никакого отношения к академическому письму не имеет. Академическое письмо – это обучение ремеслу, и это обучение приводит к появлению ремесленников. А обучение исследованиям, о котором говорил Михаил Борисович, формирует исследователя. И эти две вещи не надо смешивать. Конечно, в каждом исследователе присутствует ремесленник. Но говорить, что академическое

письмо – это наука, значит ориентировать исследователя на посредственность.

Уместно вспомнить серию публикаций в сборнике научного юмора «Физики шутят»: «Как писать научные статьи», «Инструкция для авторов», «О стандартизации статей» и др. (первое издание появилось в 1965 году). Так, в первой из них содержатся советы по оформлению рукописи: «Начинающему автору следует ... писать свою статью так, чтобы она с самого начала удовлетворяла требованиям рецензента... Если статья слишком длинна, автора обвинят в многословии, если статья слишком кратка, ему посоветуют собрать дополнительный материал. Если он приводит слишком большой список использованной литературы, его отнесут к «неоригинальным», если он вообще ни на кого не ссылается, на нем поставят клеймо «самонадеянного». Статья должна иметь объем от 8 до 12 страниц... Количество ссылок должно колебаться между шестью и двенадцатью, причем половина из них должна относиться к известным трудам (рецензент слышал о них), а оставшаяся половина – к неизвестным (рецензент о них не слышал). Следуя приведенным выше советам, автор может быть уверен, что статья пройдет независимо от её содержания».

Не менее ценные советы автору научной статьи содержатся во второй публикации: «Автор должен пользоваться ясным, прозрачным, кристальным английским языком, применяя предпочтительно не менее чем двусложные слова, состоящие не менее чем из четырех букв. Не следует употреблять слов, понятных вашим коллегам. Например, не пишите «сокращенный», а пишите «редуцированный», не «измененный», а «модифицированный». Не употребляйте предложения длиннее 120 слов, не включая в них, по крайней мере, одного глагола или деепричастия. По возможности выводы должны быть короче основного текста и представляться в форме, допускающей их использование в качестве аннотаций для реферативных сборников».

И наконец, автор третьей публикации, обращенной к членам ЦЕРН, рекомендует: ввиду «растущего числа научных работ, а также в силу необходимости классификации и упорядоченного хранения этих публикаций представляется желательным, чтобы все статьи в дальнейшем писались в соответствии со стандартными правилами, для чего разработаны формы, с помощью которых процесс оформления статей сводится к вписыванию формул и отдельных слов в готовый текст. Это должно привести к существенному сокращению работы как при подготовке статьи, так и при её редактировании».

Приведенные выше рекомендации высказаны в шуточной форме. И тем не менее можно предположить, что подобные рассуждения, рассмотренные в более широком контексте, во многом исчерпывают проблему академического письма. Ведь, как известно, в каждой шутке есть доля правды.

В.М. Кафелин: Во время дискуссии и даже еще при ознакомлении с ее анонсом у меня появилось предположение о том, что по ряду многих вопросов у нас есть решения, но при этом, как ни парадоксально, не сформулированы сами вопросы, не вполне понятны сами проблемы. В частности, у нас есть понимание подхода к определению качества научной публикации, и это определение подводит нас к осознанию того, что некие прежде общепонятные критерии научности нам предлагается заменить на критерии формата IMRaD, не особенно связанные с содержанием текста. Апологеты такого перехода, напротив, говорят, что требования научности сохраняются и никакой подмены не происходит. Я не стану занимать позицию «за» или «против», а только скажу, что это просто проблема, которую нужно первично сформулировать.

Вообще, в сюжетах научных измерений и научных форматов текстов есть много вещей, связанных именно с необходимостью четко сформулировать проблему, а не торопиться сообщать ответ, если он уже заранее есть, —

он может быть в действительности просто нерелевантным положению дел. Попробую пояснить необходимость формулирования проблемы при наличии вроде бы готового ответа. Я полностью согласен с тем, что наука должна быть интернациональной — и это своего рода «ответ», решение проблемы. А сама проблема в том, что надо понять, нужно ли это долженствование представлять в виде строгого императива. Есть некоторые случаи, не включенные в порядок международного взаимодействия, с которыми мы не можем не считаться. Есть локальные вещи, которые, хотим мы того или нет, образуют ментальность каких-то групп, выделяемым по этническим, профессиональным, языковым или каким-либо еще признакам. И есть определенные традиции в рамках науки. Если нам нужно удерживать науку в ее интернациональном статусе, то, вероятно, какие-то локальности необходимо устранять. Но, может быть, это и не будет иметь смысла. Поэтому такая сентенция будет действовать по-разному в зависимости от того, в какой модальности мы ее будем использовать — вопросительной или утвердительной. Пока что доминирует утвердительная — то есть она дает нам ответ; но я считаю нужным подойти к ней со стороны вопроса и показать, что она представляет собой именно проблему. Приведу пример.

Возьмем Русское средневековье. Кто из ученых в мире лучше всех знает этот предмет? Скорее всего, российские специалисты. С чем это связано? С тем, что именно они высококлассные исследователи? Пожалуй, это не главная причина. Просто в силу каких-то обстоятельств, не связанных с наукой, — по причинам семейным, культурным, территориальным или просто в силу доступности источников — кто-то оказывается близок к знанию этого периода истории. Аспект же интернационализации науки тут роли не играет: зарубежных медиевистов-русинов мало, и их численность всегда будет отставать от численности российских: за пределами нашей страны к этому предме-

ту интерес ниже. Несомненно, и на Западе есть замечательные исследователи русской культуры: слависты и советологи своими работами представляли собой парадоксальный контрпример. Так, именно западные историки в свое время всерьез взялись за анализ Большого террора (введя, кстати, это понятие). Одна из первых и до сих пор самых известных монографий о творчестве Даниила Хармса написана в Швейцарии. Примеры можно множить, углубляясь в прошлое вплоть до Геродота. Но все это исключения, возможно, не очень редкие в общей массе, но я бы не сказал, что они образуют какую-то систематическую упорядоченность.

Это проблема, с которой нужно считаться и искать к ней подходы. Словом, здесь есть вопрос о некой переводимости коммуникативных форматов – переводимости одной культуры в другую, равно как и переводимости неких стандартов работы в одной дисциплинарной сфере в другой дисциплинарный стандарт. В гуманитарных журналах часто нет четко прописанной структуры статей, хотя кое-где она обнаруживается в неявном виде. Но должно ли требование структуры дополнять критерии научности и тем более выступать в качестве жесткой нормы – над этим еще нужно думать.

Хотел бы обратить внимание еще на некоторые вещи, которые меня интересуют долгое время. Последние пять лет я работаю ученым секретарем в диссертационном совете и регулярно сталкиваюсь с разными событиями вокруг так называемого «Списка ВАК». Наличие публикации в журнале из этого перечня для нас сейчас – важнейший критерий научности и журнала, и его публикаций. Эту странную идею мы не производим вслух, сейчас она стала имплицитной частью «подлинной научности», и многие настолько с ним сжились, что признают эти критерии, стремясь публиковаться в журналах из «Списка ВАК» в силу их «особой научности». Но ведь нередко есть серьезные и оправданные сомнения в отношении обоснованности внесения многих журналов в этот

привилегированный реестр. Мне приходится следить за происходящим в этой области, и я могу сказать, что в этом процессе сейчас появляется чуть больше рациональности, например, в последний год начали делаться ежемесячные обновления списка. Предположим, в ВАКе может быть некая структура, которая знает абсолютно все о научных журналах и о том, как необходимо принимать решения о включении и исключении изданий в список таковых. Вот только хочется вспомнить, что этот список как изначально, так и сейчас представляет собой перечень изданий, рекомендованных для публикаций соискателей ученых степеней, а вовсе не определяет степень научности проведенного исследования. Если же вспомнить о том, что докторские и особенно кандидатские нередко представляют собой всего лишь объемистый «отчет о проделанной работе», подтверждающий квалификацию, и далеко не всегда являются глубоко революционным достижением, то «ваковость» публикации в данном измерении – далеко не требование научности. Хочется подчеркнуть очевидную несостыковку: научность журнала или публикаций часто определяется нормами ВАКа

как организации, чья цель – не экспертиза проблем науки и ее критериев, а всего лишь решение узкоспециальных задач аттестации научных кадров. Это смешение – очередная иллюстрация того, что мы успешно пользуемся «решениями проблем» без понимания самих же этих проблем.

Последнее замечание я хотел бы сформулировать также в виде проблемы. Нам знакомы различные нормы, связанные с наукометрией, с анализом качества публикаций, качества журналов. Мы не можем избавиться от них, неизбежно что-то приходится ранжировать с применением количественных показателей – в определенном аспекте это имеет большое значение, так как альтернатива в виде чистого экспертного оценивания также имеет серьезные недостатки. Непонятным остается другое. Когда ведут речь

о пресловутом «Списке ВАК», сохраняется возможность дискуссии – с ВАК или Министерством. Однако же субъект, генерирующий наукометрические правила, явственно внедряющиеся в нашу научную реальность, остается за кадром, и взаимодействовать с ним возможности нет. Они выглядят как некие всеобщие нормы, но откуда они появляются и кто эти «нормотворцы»? Задаваясь вопросами такого рода, вполне здоровые люди начинают верить слухам или говорить о какой-то конспирологии, ссылаясь на влияние отдельных вузов, на чьи-то случайные слова кого-то из Министерства. Кто они? Откуда? Непонятно. И это тоже проблема. Я пока не знаю, как к ней подходить, но она есть.

Продолжение следует.

HUMANITIES PAPER: EPISTEMOLOGICAL AND HISTORICAL-CULTURAL PERSPECTIVE: ROUND TABLE DISCUSSION (PART 1)

Abstract. The round table discussion of the journal *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia) took place on March 14, 2017 within the framework of Humanities Readings at Russian State University for the Humanities. The key theme – the model of the modern research journal in various aspects: philological (academic writing, IMRaD), philosophical (criteria of scholarly publication), historical and cultural, economical. The participants have touched upon such issues as interrelations between an author and an editor, types of peer review, the epistemological model of editor's activities, assessment of research activities, scientific communication. Special attention was paid to academic writing and suitability of IMRaD format for Humanities papers, scientometrics.

Keywords: round table discussion, research peer reviewed journal in Humanities, academic writing, IMRaD format, scholarly publication, peer review process, scientometrics

Cite as: Humanities Paper: Epistemological and Historical-Cultural Perspective: Round Table Discussion (Part 1). *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 7 (214), pp. 46-68 (In Russ., abstract in Eng.)